

MUSIC REVIEW

Evening of Russian Songs, From Ardent to Sentimental

By PAUL GRIFFITHS

Maybe it was not planned this way, but Sunday night's recital at Carnegie Hall by the bass-baritone Dmitri Hvorostovsky, with Mikhail Arkadiev at the piano, provided a kind of sunset postscript to the festival of Russian music that had been brought to the hall in four preceding concerts by the Kirov Orchestra. Tchaikovsky and Rachmaninoff were on the program (as they had been for the orchestra): nine songs by each. The sound was superb, the mood glowing.

Tchaikovsky's songs — superior domestic music — may have been a bit too frail for these circumstances, but it was good to hear Mr. Hvorostovsky sounding so ardent in "Why?" so melodious in "I Bless You, Forests." He also did well in his manner and stance to give the songs some dignity even while showing a sense of humor. Touching a hand to his silver locks, smiling easily, he made his good looks a joke he shared with his appreciative audience.

After intermission, the Rachmani-

noff group was more serious and more varied. It also gave Mr. Arkadiev a chance to sing. He is indeed an exceptionally tender and sensitive pianist, with a fine feeling for songful phrasing and resonant tone. Meanwhile, Mr. Hvorostovsky just seemed to get better and better, increasing his range of dynamics and color, driving deeper into the music.

His last encore, though, was something else. Brought back again and again, he had already sung a piece from Rachmaninoff's opera "Aleko" and two outrageously sentimental songs. Then he returned without Mr. Arkadiev to sing, as he said, his favorite Russian folk song. The house went silent, and he threw himself back into the primeval present. Grace notes were beautifully articulated and integrated into the ululation. Extraordinary pianissimos happened. Head tones were fully integrated into the chest voice.

What was being said? Who knows? This was a voice communicating beyond language.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОБЗОР; Вечер русских романсов, от пылких до сентиментальных

Пол Гриффитс

22 декабря 2001

Возможно, это не было запланировано таким образом, но воскресный вечерний концерт в Карнеги-холл бас-баритона Дмитрия Хворостовского с Михаилом Аркадьевым за фортепиано стал своего рода послесловием к фестивалю русской музыки, который был представлен в зале четырьмя предыдущими концертами Кировского оркестра. В программе (как и с оркестром) было по 9 романсов Чайковского и Рахманинова. Звук был превосходным, настроение блестящим.

Романсы Чайковского – превосходная национальная музыка - возможно, были немного слишком нежными для этих обстоятельств, но было приятно слышать, как господин Хворостовский звучит так пылко в "Почему?", так мелодично в "Благословляю вас, леса". Он также был хорош в своей манере и осанке, что придавало песням некоторое достоинство, даже демонстрируя чувство юмора. Прикоснувшись рукой к своим серебристым локонам, легко улыбаясь, он сделал свою привлекательную внешность шуткой, которой поделился со своей благодарной аудиторией.

Часть после антракта с романсами Рахманинова была серьёзнее разнообразнее. Это также дало господину Аркадьеву возможность показать своё мастерство. Он действительно исключительно нежный и чувствительный пианист, обладающий тонким чувством певучей фразы и звучным тоном. Между тем, господин Хворостовский, казалось, становился всё лучше и лучше, увеличивая диапазон динамики и цвета, всё глубже погружаясь в музыку.

Однако его последнее выступление на бис было иным. Возвращаясь снова и снова, он уже спел отрывок из оперы Рахманинова "Алеко" и две невероятно сентиментальные песни. Затем он вернулся без господина Аркадьева, чтобы спеть, как он сказал, свою любимую русскую народную песню. Зал замер, и он снова погрузился в вечное настоящее. Форшлагги были замечательно пропеты и добавлены в плач. Произошло необычайное пианиссимо. Тоны головы были полностью интегрированы в грудной голос.

О чём он пел? Кто знает? Когда звучал этот голос, слова были не важны.

Перевод с английского Марии Тимофеевой